

Н.Л. Бродский

Комментарий к Евгению Онегину

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Л. Бродский**
Комментарий к Евгению Онегину / Н.Л. Бродский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 244 с.

ISBN 978-5-458-24444-2

Отсутствуют страницы: 70, 71, 93, 94, 234, 235.

ISBN 978-5-458-24444-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

17 октября 1931 года исполнилось столетие со дня окончания «Евгения Онегина». За это столетие произошли такие гигантские изменения во всем строе нашей страны, что роман Пушкина—итог раздумий гениального представителя побежденного класса и отражение картин жизни давно умершего быта—для нашей современности стал своего рода «Божественной комедией» Данте: так много в нем архаики; подробностей, требующих разъяснения; терминов, мало кому понятных; деталей, без специального комментария остающихся темными. Блестящий эрудит, живо откликнувшийся на богатейшую продукцию европейской (в том числе русской) поэзии, сам Пушкин, печатая свое произведение, снабдил его примечаниями, где раскрывал намеки, пояснял стихотворные цитаты, защищал от враждебной критики отдельные слова и выражения, переводил иностранные речения. Даже современный Пушкину читатель, как думалось поэту, иногда нуждался в литературной помощи, а романист, ведь, обращался преимущественно к своей аудитории, к классово-близкому читателю с более или менее однородной культурной подготовкой. Социальные изменения, происходившие в России XIX века, вызвали к жизни новые кадры читателей из тех классовых группировок, которым пушкинский роман звучал иным содержанием, которые, встречаясь с чуждыми культурными напластованиями в поэтической ткани романа, пробегали по страницам «Онегина», пропуская без внимания многое из того, что для Пушкина было животрепещущим, что волновало его современников по остроте поставленных вопросов, по меткости полемических ударов, направленных на всем в то время знакомые явления, идейные течения, даже лица. Редактируя сочинения Пушкина, исследователи давно стали присоединять к пушкинским примечаниям к роману свои новые, нередко многочисленные: имею в виду прежде всего Л. Поливанова и П. Морозова. Была даже попытка напечатать специальный комментарий к роману. Я, к сожалению, лишь библиографически знаю о существовании книжки А. Вольского «Объяснения и примечания к роману Пушкина «Евгений Онегин» (выпуск I и II главы 1—5. М. 1877). Пушкиноведа в этюдах и заметках, в монографиях и примечаниях к ним щедро разбросали разъяснения разнообразных строф, стихов и выражений в «Евгении Онегине». Коллективный опыт дал много ценных наблюдений, полезного справочного материала. Еще многое осталось доработать, но читатель романа уже может получить надежный ключ к тому материалу, который порожден старой социальной культурой и нуждается в историческом раскрытии. Предлагаемая книжка ставит задачей помочь читателю «Онегина» овладеть содержанием-формой романа в первичной стадии чтения—уяснить вышедшие

из употребления слова, малопонятные выражения, иностранную терминологию и т. д. Роман вырос из культурного опыта, вековой традиции русского дворянства в его наиболее образованной прослойке; автор густо наполнил свое произведение пестрым словесным маскарадом, многоголоскутным одеянием, которое облекало дворянскую поэзию XVIII века и начала XIX века по вкусу класса, утверждавшего свое господство и заимствовавшего эстетические блески из арсенала античной мифологии, французской придворной реторики и других прхностей салонно-аристократической культуры. В русском варианте этой культуры была специфическая струя—церковно-славянский склад речи, иногда прерываемый диалектическим говором крепостной деревни, на хозяйственной базе которой держалась барская усадьба. Язык романа, его стилистика прежде всего бросаются в глаза читателю, впервые берущему в руки томик Пушкина: чуждые, непонятные, странные даже по ударению слова, когда-то трепетавшие жизнью, стали омертвевшими, знаками, требующими «живой воды» научного пояснения. Помещичья культура в ее разнообразных проявлениях, местных приурочениях (столица и усадьба) с разнородным сплавом людских характеров, с многогранными интересами ее гениального детища, автора романа, в многолетнем опыте скопившего бездну «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» и щедро бросавшего в романе афоризмы на самые разнообразные темы, прямолинейно заявлявшего о своих общественных и литературных симпатиях, боровшегося с антагонистами, называя их чуть не по именам, проводившего свою и, след., групповую идеологию в момент кризиса близкого ему классового коллектива и поэтому заостренно, резко, глубоко лирично призывавшего своими образами и темами к отрицанию классово-ненужного и утверждению достойного подражания, осмеивая и идеализируя, отбирая из окружавшей действительности наиболее яркое, сгущенное,—все это при исключительной четкости выражения также требует разъяснения, как потускневшее в «дыму столетия», как отблеск минувшего, корни которого давно уже срублены. Целый ряд моментов культурно-исторического порядка настолько перестал ощущаться даже специалистами-литературоведами, что приходилось останавливаться на них более подробно, чем следовало бы в книжке, рассчитанной на учащуюся молодежь, преподавателей-словесников и читателя, стремящегося к самообразованию.

Пушкин, активнейший участник литературных схваток своего времени, отражавших противоречия как внутри дворянско-поместной группы, так и классовую борьбу между «аристократами» и «промышленниками», в процессе изменения своего общественного положения выступал в различном поэтическом вооружении: стиль классики и сентиментализма, реалистической «воды» и романтической настроенности, объединяясь при всех противоречиях в единый, дворянско-поместный стиль эпохи раннего промышленного капитализма, взрывавшего основы феодально-крепостнического барства,—все эти особенности пушкинского творчества проявлялись в стилевой канве

романа. «Евгений Онегин» был продолжением поэтической работы Пушкина, его литературных предшественников,—поэтому приходилось указывать сходные, повторные мотивы в лирике, поэмах, романах, выросавших на однородной социальной почве—русской и западно-европейской. Роман, рассматриваемый в подобных связях, получает крепкую социально-историческую базу в ее литературной специфике.

Пушкин в своем лирическом романе нередко рассказывал эпизоды из собственной биографии; без фактического комментария эта автобиографичность иногда может привести читателя к забавным кривотолкам. «Но вреден север для меня»—пожалуй, иной ретивый противник биографизма поймет это пушкинское выражение в медицинском смысле...

Роман Пушкина в свете нашего комментария должен стать для читателя более понятным, углубленным, но весь этот аппарат примечаний лишь приблизительно подводит читателя к подлинно-научному постижению этого вершинного памятника дворянского искусства прошлого века. «Евгений Онегин», как художественное орудие классовой борьбы, как поэтический организатор классового коллектива с определенной идеологической установкой, как замечательное выражение творческого метода гениального художника помещицей России, поражающее до сих пор огромным захватом жизни (с теми ограничениями, которые вытекали из классового бытия Пушкина), широчайшими обобщениями в художественных образах, предельно четкой формой словесного выражения—в отдельных частях по простоте и глубокой правде сохраняющей значение идеальной нормы (в том смысле, какой придавал К. Маркс античному греческому искусству и эпосу),—«Евгений Онегин» только в монографическом исследовании получит надлежащее научное, марксистско-ленинское истолкование (в частности имею в виду применение к анализу классовой психоидеологии Пушкина теории Ленина о двух путях буржуазного развития—см. Сочинения Ленина IX т., стр. 443—444, т. XI, стр. 443. 658—9).

Новый читатель наших дней—представители тех классов, которые или отсутствовали или только в беглых зарисовках представлены в романе Пушкина—учится «наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов», должен научиться «применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения» (Н. Ленин, «Что делать?», Гиз. 1930, стр. 81).

Если предлагаемая книжка приблизит читателя к этому пониманию пушкинского романа хотя бы в минимальной степени, составитель комментария к «Евгению Онегину» будет считать свою работу результативной.

За ценные советы искренняя признательность М. П. Алексееву, М. М. Покровскому и Н. П. Сидорову.

„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“

Исполненный суетности, он еще более отличался тем родом гордости, которая, будучи соединена с чувством превосходства, может быть воображаемого, позволяет сознаваться с одинаковым равнодушием как в добрых, так и в дурных поступках.

(Из частного письма).

В этом отрывке схвачены проявления того «онегинства», которое, будучи раскрыто в I-ой же главе романа, носит все признаки психологической ущербности, присущей аристократической прослойке европейского дворянства на его историческом закате в эпоху растущего торжества буржуазии (перед французской революцией 1789 г. и в первые десятилетия XIX в.). Отдельные черты и общий комплекс этих настроений уясняются при обращении к главе английского дэндиизма (см. ниже)—Бреммелю, психологический облик которого зарисован в книге Барбэ д'Оревиля—Дэндиизм и Джордж Бреммель (рус. перевод 1912 г., М., изд. Альциона).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Мой дядя самых честных правил.

Ироническое применение стиха из басни Крылова «Осел и мужик» (1819):

Осел был самых честных правил.

А. П. Керн рассказывает, что Пушкин присутствовал в 1819 году в доме Олениных (в Петербурге) на том вечере, где И. А. Крылов читал эту басню («Воспоминания А. П. Марковой-Виноградской-Керн» в сборнике Л. Майкова «Пушкин», П., 1890, стр. 235).

Отзвук пушкинского стиха в поэме «Сашка» А. Полежаева и в поэме современного поэта Владимира Кириллова «О детстве, море и красном знамени»:

Мой дядя—унтер бородатый,
Мой первый добрый поводырь...

II.

Летя в пыли на почтовых (см. еще в VII строфе:
Стремглав по почте поскакал).

Передвижение на казенных лошадях по почтовому тракту, подверженное всем случайностям (см. «Станционный смотритель»: «погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут»—с эпиграфом к повести из стихотв. князя Вяземского:

Коллежский регистратор
Почтовой станции диктатор).

Ударение в слове на почто¹вых (см. еще IV строфу VII гл.), объясняется исследователем языка Пушкина, как отзвук северновеликорусского произношения. Псковская губерния, где иногда проживал поэт, давала ему народный языковой материал, но эти северные звуки, которые ласкали его привычный слух (см. III главу), эти говорные (диалектические) отклонения от языка общепринятого в окружавшей Пушкина классовой среде, вообще в романе редки. (См. Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. 1904 г., стр. 19).

Всевышней волею Зевеса.

Зевс—в античной мифологии бог-еседержитель. Ср. в послании «К баронессе М. А. Дельви́г» (1815):

Всевышней благостью Зевеса.

В «Странствии Онегина»:

По воле бурного Зевеса.

Друзья Людмила и Руслана. Поэма Пушкина «Руслан и Людмила» была напечатана в 1820 году (цензурное разрешение 15 мая). Эпилог, помеченный: 26 июня 1820 г. Кавказ, появился в «Сыне отечества», ч. 64 (книжка вышла в свет 18 сентября). Выход в свет поэмы ознаменован был шумным успехом и придирчивыми голосами литературных староверов. Если одни, ознакомившись с поэмой еще в чтении самого поэта, испытывали «высокое наслаждение», восклицали: «Какая оригинальность в изображении! Какое поэтическое богатство! Какие блистательные картины! Какая гибкость и сладкозвучие в языке!»; если В. А. Жуковский подарил юному Пушкину свой портрет с такой характерной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, когда он окончил свою поэму Руслан и Людмила, 1820 марта 26—великая пятница»,—то были читатели, с возмущением отзывавшиеся о поэме, в которой не видели «ни мыслей, ни чувства, только чувственность». Первое издание «Руслана и Людмила» быстро разошлось; по свидетельству «Московского Телеграфа» (1828 г., ч. 20, № 5) «охотники платили по 25 руб. и принуждены были списывать (поэму)».

Но вреден север для меня. 6 мая 1820 г. Пушкин покинул Петербург, сосланный на юг за свои политические стихотворения. Намек на ссылку здесь дан в форме «климатического» иносказания; в форме «метеорологического» иносказания продлен в 50 строфе:

Брожу над морем, жду погоды...
Пора покинуть скучный брег
Мне неприятной стихии..

Ср. в письме Пушкина к Гнедичу из Михайловского—нового места его ссылки—23 февраля 1825 г.: «Сиж у моря, жду перемены погоды»; негодуя на «ссылочную жизнь», 6 октября того же года он писал из Тригорского Жуковскому: «Милый мой, посидим у моря, подождем погоды»...

III.

Социальная биография рода Онегиных (ср. еще в VII строфе: отец Евгения «земли отдавал в залог»), вскрывающая экономическое оскудение части помещного дворянства, находит любопытные аналогии в позднейших произведениях Пушкина, напр., в «Отрывках из романа в письмах» 1830 г., в «Моей родословной»

1830 г., в «Родословной моего героя» 1833 г., где поэт даже заметил фамилию героя «Езерский» Онегиным.

Кризис дворянского землевладения в начале XIX в. бросался в глаза настолько, что об этом писали в своих записках даже заезжие иностранцы. Так, Жозеф-де-Местр в 1809 году писал: «Курс рубля падает. Нужда в деньгах крайняя; однако роскошь продолжает существовать... дворянство бросает деньги, но эти деньги попадают в руки деловых людей, которым стоит только сбрить бороды и достать себе чины, чтобы быть правителями России. Город Петербург скоро будет целиком принадлежать торговле. В общем, обеднение и нравственное обессиление дворянства»... (А. Шебунин «Из истории дворянских настроений 20-х г. XIX в.» в журнале «Борьба классов» 1924, № 1—2). Отсутствие денег и рост залога помещичьих земель—типичное явление в 20-х годах XIX в., на что постоянно указывали современники Пушкина. 5 мая 1824 г. А. Я. Булгаков писал из Москвы брату: «Одна песня у всех: нет денег и взять негде» («Русский Архив», 1901, № 5, стр. 55) *. Декабрист А. А. Бестужев из крепости писал Николаю I: «Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяет хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и таким образом ⁹/₁₀ имений в России расстроено и в закладе». П. Г. Каховский о том же писал из Петропавловской крепости Николаю I: «Сколько дворянских имений заложено в казне, верно более половины всех их» («Из писем и показаний декабристов» под ред. А. К. Бороздина. П. 1906, стр. 39, 9).

IV.

Madame и monsieur—воспитатели Онегина—обычное явление в дворянских семьях XVIII—XIX в. Беллетристы и драматурги до Пушкина, его современники и позднейшие писатели всегда в главах о воспитании в дворянских гнездах посвящали страницы иностранцам-гувернерам. В отрывке пушкинского романа «Русский Пелам» (1835 г.) читаем: «Отец, конечно, меня любил, но вовсе обо мне не беспокоился и оставил меня на попечение французов, которых беспрестанно принимали и отпускали». В числе учителей отца М. (от лица которого даны «записки» в указанном романе) был «m-g Дерори, простой и добрый старичок, очень хорошо знавший французскую орфографию». Ср. образ мосье Бопре в «Капитанской дочке».

Monsieur L'abbé—указание на то, что воспитателем Евгения было лицо духовного звания, один из тех иезуитов, которые массой хлынули в дворянскую Россию после французской революции 1789 г. В «лицейских записках» Пушкин вспоминает: «Меня везут

* Евгений, получив известие, что дядя при смерти, тотчас поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, ради денег,
На вздохи, скуку и обман... (LII).

в Петербург. Иезуиты... Лицей». О степени распространенности этого рода воспитателей в дворянских семьях свидетельствует Д. П. Горчаков в сатирическом послании к С. Н. Долгорукому (рукопись 1807—1810 г.г.):

Там Вральман, тут Годдем, а здесь учил Аббе...
(С. Шестериков. Из неизданных стихотворений Д. П. Горчакова. Стр. 176).

Что представляла собою *madame*, которая за Евгением ходила?
В «Горе от ума» Фамусов характеризует воспитательницу Софьи:

Уж об твоём ли не радели
Об воспитаньи с колыбели!
Мать умерла: умел я гринанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.

(Д. I, явление 3).

Типичность картинки первоначального воспитания Евгения подтверждается Ф. Ф. Вигелем, который, рассказывая о воспитании князей Голицыных под руководством Шевалье-де-Бельвиля, писал: «развитие их умственных способностей оставлено было на произвол судьбы; никаких наставлений они не получали, никаких правил об обязанностях человека им преподаваемо не было. Гувернер ими очень мало занимался и только изредка, как Онегина, слегка бранил»... П. А. Вяземский, питомец иезуитского коллегиума, вспоминал, что его и товарищей «водили в Летний сад».

Dandy (английское слово — дэнди) — в переводе Пушкина — франт. Дэндиизм, как одно из проявлений быта, психологии европейской аристократии и верхушечных слоев русского барства XIX в., рассмотрено в «Этюдах о Пушкине» Леонида Гроссмана (М. 1923), указавшего, между прочим, что в библиотеке Пушкина находилась книга «*Matinées d'un dandy*» («Утро одного дэнди»), помеченная 1833 годом.

V.

Педант — человек строгих правил, несколько старомодный. В данном случае применено иронически.

Эпиграмма (см. еще XVI строфу). — В современном Пушкину «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова (1821 г., ч. I, стр. 386–87) дано след. объяснение: «Краткие стихи сатирического содержания, кончающиеся острым словом, укоризной или шуткой (из сборника о греческой антологии 1820 г.)».

VI.

Эпиграф. — В «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова (ч. I, стр. 398) объяснение: «Одно слово или изречение, в прозе или стихах, взятое из какого-либо известного писателя, или

свое собственное, которое помещают авторы в начале своих сочинений, и тем дают понятие о предмете оных».

Ювенал—сатирик императорского Рима (I век нашей эры). В 1815 году в послании «К Лицинию» поэт назвал его «жестоким». «Ювеналов бич» (1830) и «гневная муза пламенной сатиры» были в сознании Пушкина понятиями однозначными.

Vale—прощай, будь здоров. В письмах Пушкина лицейской поры и последующих лет нередко это латинское приветствие (см., напр., Вяземскому 27 марта 1816 г., Гнедичу 24 марта 1821 г., Л. С. Пушкину 27 июля 1821 г., Гречу 21 сент. 1821 г. и т. д.). В письме к Дельвигу (ноябрь 1827 г.) он вспомнил VI строфу из романа: «Vale et mihi favere» (как Евг. Онег.)».

Энеида—поэма из 12 песен, рассказывающая легендарную историю Энея, который после падения Трои прибыл в Италию и утвердился там после упорной борьбы с туземными племенами. Автором поэмы, прославляющей римскую монархию и ее империализм, был Вергилий Марон (70—9 г.г. до нашей эры). В «Городке» (1814) Пушкин писал:

Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном,
Близ озера сидеть...

Вергилий, по признанию поэта, стоял у него на полке за Вольтером. В 1815 году в отрывке из поэмы «Бова» Пушкин говорил:

Несравненного Вергилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.

Однако, в черновике VIII главы:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал...
Я над (Вергилием) зевал.

(Ср. также в «Сцене из Фауста»: «Над Вергилием дремал»).

Анекдот. Во времена Пушкина это был особый литературный жанр—краткая «прозаическая повесть» о мало известном историческом явлении, сообщающая какую-либо характерную, своеобразную черту исторического деятеля. Исторические труды в Европе и у нас нередко представляли собою собрания анекдотов.

В 1790 г. вышла книжка под названием «Анекдоты любопытные». В предисловии к ней читаем: «Сии две повести были в начале сего века. Чтение оных может быть любопытно и полезно: любопытно, по особенностям случаев; полезно, в рассуждении чувствительных примеров, которые здесь представляются и которые пронзают душу. Впрочем, истина действий дает им право преимущества пред романами». Таким образом, термин анекдот ранее имел другой смысл, чем в наше время (Ср. рассуждения Белкина в «Истории села Горюхина»). В библиотеке Пушкина были книги С. Н. Глинки «Русские анекдоты военные и гражданские, или пове-

ствование о народных добродетелях Россиян древних и новых» (1822) и Якова Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом» (3 изд. 1830).

Ромул—легендарный основатель Рима (Roma по-латински).

III—VI.

Характер воспитания столичной дворянской молодежи (особенно первые две строчки в V строфе) метко схвачен поэтом, что подтверждается свидетельством одного из современников Пушкина, А. А. Бестужевым, писавшим в 1825 году: «Мы учимся припеваючи, и оттого навсегда теряем способность и охоту к дельным, к долгим занятиям. При самых счастливых дарованиях мы едва имеем время на лету схватить отдельные мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у нас ни в случае, ни в привычке. У нас юноша с учебного гулянья спешит на бал; а едва придет истинный возраст ума и учения, он уже в службе, уж он деловой—и вот все его умственные и жизненные силы убиты в цвету ранним напряжением, и он целый век остается гордым учеником, от того, что учеником в свое время не был. Сколько людей, которые бы могли прославить делом или словом свое отечество, гибнут, дремля душой в вихре модного ничтожества, мелькают по земле, как пролетная тень облака. Да и что в прозаическом нашем быту, на безлюдьи сильных характеров, может разбудить душу? Что заставит себя почувствовать? Наша жизнь—бестенная Китайская живопись; наш свет—гроб повапленный!» («Полярная Звезда», карманная книжка на 1825 год, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым, С.-Пет. 1825, стр. 7—8).

В статье «О народном воспитании» (1826) Пушкин резко отзывался по этому же вопросу: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах немногим лучше; здесь и там оно кончается на 16-м летнем возрасте воспитанника». Ср. вариант к III строфе:

Monsieur, швейцарец очень умный,
Его не мучил бранью шумной,
И лет шестнадцати мой друг
Окончил курс своих наук.

По словам Карамзина, в начале XIX века «французские гувернеры в знатных домах наших выходили уже из моды», их заменяли женеvцы (Сочинения, т. VII, изд. 3, 1820, стр. 91). Пушкин, введя в дом Онегина воспитателя—«убогого француза», подчеркнул захирение, обнищание дворянского рода Онегиных.